

ФЕНОМЕНАЛЬНОЕ ЕДИНСТВО СОЗНАНИЯ В СИНХРОНИЧЕСКОМ И ДИАХРОНИЧЕСКОМ АСПЕКТАХ*

Секацкая Мария Александровна – кандидат философских наук, старший преподаватель. Санкт-Петербургский государственный университет. Российская Федерация, 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9; e-mail: maria.sekatskaya@gmail.com

Синхроническое и диахроническое единство сознания и их взаимосвязь представляют собой междисциплинарные проблемы, решение которых требует привлечения как философских концептов, так и научных данных и их интерпретаций. В первой части статьи дается краткий обзор истории их решения в ходе развития философского знания, в том числе рассматриваются физический и психологический критерии тождества личности, которые изначально были выдвинуты для обоснования диахронического тождества. Однако эти критерии не объясняют, как именно субъективно переживаемое единство сознания, данное субъекту в самоощущении как единство феноменального поля, соотносится с тождеством личности. Во второй части статьи анализируется теория «виртуального феноменализма» Тима Бейна, изложенная в книге «Единство сознания». В третьей части статьи формулируются два вопроса, на которые теория Бейна должна дать ответ. Первый из этих вопросов касается особенностей когнитивного и нейробиологического устройства нашего сознания, исходя из которых Бейн предлагает оригинальную теорию синхронического единства сознания. Возникает вопрос, не мешают ли эти же соображения решению проблемы диахронического тождества личности, также предложенному Бейном. Второй вопрос представляет собой развитие критики Бернардом Уильямсом психологического критерия тождества. Как предполагает автор статьи, аргумент, похожий на аргумент Уильямса, может быть выдвинут против виртуального феноменализма Бейна.

Ключевые слова: синхроническое и диахроническое единство сознания, тождество личности, виртуальный феноменализм, Тим Бейн

PHENOMENAL UNITY OF CONSCIOUSNESS IN SYNCHRONIC AND DIACHRONIC ASPECTS

Maria A. Sekatskaya – PhD in Philosophy, senior lecturer. Saint Petersburg State University. 7–9 Universitetskaya Embankment, 199034, Saint Petersburg, Russian Federation; e-mail: maria.sekatskaya@gmail.com

Synchronic and diachronic unity of consciousness and their interrelation pose interdisciplinary problems that can only be addressed by the combined means of philosophical and scientific theories. In the first part of the article the author briefly reviews psychological and materialistic accounts of personal identity. Historically these accounts were introduced to solve the problem of diachronic identity of persons, i.e., the problem of their persistence through time. She argues that they don't explain how synchronic unity of consciousness, subjectively experienced as the unity of the phenomenal field, correlates with diachronic identity of persons. In the second part of the

* Статья подготовлена при поддержке РГНФ, проект № 16–03–00834 «Единство сознания: феноменальное поле и проблема связности опыта».

article the author reviews Tim Bayne's "virtual phenomenalism". In the third part of the article she formulates two questions that virtual phenomenalism has to answer in order to solve the problems that face both the psychological and the materialistic accounts of personal identity. The first question concerns some cognitive and neurobiological characteristics of consciousness that Bayne invokes in order to propose an original solution of the problem of the synchronic unity of consciousness. It might be asked whether the same characteristics can undermine Bayne's solution of the problem of the diachronic unity of consciousness. The second question is a development of Bernard Williams' arguments against psychological accounts of personal identity. The author suggests that similar arguments can be used against virtual phenomenalism.

Keywords: synchronic and diachronic unity of consciousness, personal identity, virtual phenomenalism, Tim Bayne

Синхроническое и диахроническое единство сознания: история вопроса

Синхронический аспект единства сознания представляет собой такое свойство сознания, как объединенность его состояний в единый поток, иначе говоря, то общепринято признаваемое положение, что мои визуальные, тактильные и прочие ощущения соседствуют друг с другом в гармоничном единстве. Это свойство состояний сознания присутствовать вместе обычно называется полем сознания или потоком сознания. Где бы я ни находилась, в поле моего сознания будут одновременно присутствовать множество ощущений и восприятий: например, сейчас я вижу стол, клавиатуру и экран монитора, слышу шум транспорта и мягкий стук нажимаемых клавиш, ощущаю слабый аромат свежее испеченного хлеба.

На первый взгляд, синхронический аспект единства сознания не нуждается в философском объяснении, отдельном от решения проблемы соотношения «сознание–тело». Сознание непосредственно доступно нам как единое целое, что было проиллюстрировано выше. Для натуралистически мыслящего философа сознания важный и пока нерешенный вопрос состоит в том, какие нейрофизиологические механизмы лежат в основе синхронического единства сознания, но сам феномен единства может показаться не более проблематичным, чем синхроническое единство реки (сознание часто сравнивают с рекой). Кажется, что по определению сознание есть то, что объединяет различные сознательные переживания. Тем не менее вопрос о том, что такое синхроническое единство сознания и имеет ли оно место в действительности, достаточно проблематичен, что и будет рассмотрено далее.

Диахроническое единство может показаться требующим более подробного объяснения, и исторически, в самом деле, оно было проблематизировано раньше. После Декарта, который ввел в философский оборот представление о поле или сфере сознания как о том, что в первую (и, возможно, единственную) очередь доступно нашему восприятию, содержание этой сферы стало пониматься как идеи, одновременно присутствующие перед неким «мысленным взором» субъекта, или, с точки зрения онтологии, и более строго, как одновременно существующие в сознании различные модусы этого самого сознания. Но если сама сфера сознания определяется через одновременность присутствующих внутри нее состояний сознания, то как такое сознание может быть тождественно себе с течением времени, сопровождающимся постоянным изменением состояний сознания? Иными словами: чем будет обеспечено диахроническое единство сознания? Ответ, который Декарт дает на этот вопрос, судя по всему, состоит в том, что единство сознания обеспечивается единством сознающей субстанции, а это единство, в свою очередь, обеспечивается Богом, непрерывно поддерживающим субстанцию в существовании. С точки зрения картезианской метафизики, таким образом, ответ состоит в том, что диахроническое единство сознания обеспечивается единством сознающего субъекта, т. е. его тождественностью самому себе во времени [McCann, 1986]. Назовем этот критерий субстанциальным критерием.

Джон Локк, скептически настроенный относительно возможности познания субстанций и приписывания им каких-либо сущностных свойств, предлагает психологический критерий диахронического единства сознания¹. В соответствии с этим критерием, диахроническое единство сознания обеспечивается памятью: если субъект помнит свои предшествующие состояния сознания или если в сознании субъекта присутствуют воспоминания о его прошлых состояниях, то эти воспоминания являются признаком того, что поле сознания сейчас является продолжением поля сознания в прошлом, иными словами, они являются признаком диахронического единства сознания. Проблема с этим критерием заключается в том, что он не является ни необходимым, ни достаточным. С одной стороны, у нас есть склонность считать субъекта тем же самым существом, даже если он не помнит всех фактов своего прошлого, например, фактов о своем раннем детстве – мы считаем, что субъект продолжает непрерывно существовать, если сохраняется преемственность его воспоминаний. Следовательно, критерий памяти не является необходимым. С другой стороны, критерий памяти не является достаточным. Если в само опреде-

¹ Анализ теории тождества личности Дж. Локка см., например: [Секацкая, 2013; Секацкая, 2014; Чирва, 2015; McCann, 1986].

ление слова «воспоминание» мы не встраиваем указание на прошлое, как, например, «сознательная репрезентация чего-то, фактически пережитого субъектом» (а мы не можем этого сделать, если мы хотим обнаружить критерий, по которому мы устанавливаем факт наличия тождества, т. к. в такой критерии тождество не должно уже заранее подразумеваться), то воспоминания легко могут оказаться ложными. Более того, психологический критерий приводит к серьезным проблемам в случае удвоения субъекта, проанализированным в текстах Дэвида Виггинса [Wiggins, 1967], Бернарда Уильямса [Williams, 1970] и Дерек Парфита [Parfit, 1971; Parfit, 1992].

Такая ситуация, вкуче с доминирующим в современной философии сознания представлением о тесной связи между состояниями сознания и процессами в головном мозге и нервной системе носителя этого сознания, приводит к появлению телесного, или материального, критерия диахронического единства сознания. В соответствии с этим критерием, сознание тождественно во времени самому себе, если и только если тождественен себе во времени его материальный носитель. Различные версии материального критерия диахронического единства сознания выдвигали такие философы как П. Унгер, П. Сноудон и Э. Олсон². Дерек Парфит, критически настроенный по отношению к психологическому критерию, отвергает и материальный критерий, но его аргументы, как я пыталась продемонстрировать в предыдущих публикациях, не являются бесспорными [Секацкая, 2013; Секацкая, 2014].

Вопросы материалистам

Тем не менее, даже если аргументы против материального критерия диахронического единства сознания не опровергают его и если этот критерий находится в гармонии с доминирующими в современной философии сознания теориями о неразрывной связи между физическими и психологическими свойствами личностей, проблему единства сознания нельзя считать решенной, пока не дан ответ на вопрос о том, чем обеспечивается синхронический аспект этого единства. Может ли единство некоторого материального объекта или процесса быть основой синхронического единства сознания – т. е. объяснить тот факт, что различные ощущения даны мне в едином феноменальном поле, как происходящие здесь и сейчас? – К сожалению для материалистов, ответить на этот вопрос не так просто. Несмотря на то, что у нас есть немало причин считать, что именно нормальной работой головного

² Анализ анималистического подхода к тождеству личности представлен в статье Д.В. Чирва [Чирва, 2012].

мозга обеспечивается феноменально данное нам единство сознания, обнаружить, какие именно физические процессы отвечают за то, что наш сознательный опыт воспринимается целостно, а не разрозненно, крайне сложно. В нашем мозге, судя по имеющимся данным, нет особых, «сознательных» нейронов, с активацией которых можно было бы однозначно связать появление субъективных ощущений – и тем более у нас нет таких нейронов, или даже нейронных сетей, с активацией которых можно было бы связать появление субъективно ощущаемого единства наличествующих субъективных ощущений – нейронов «феноменального поля сознания» [Bayne, 2010; Dennett, 1991]. Нахождение материального критерия синхронического единства сознания потребует решения нескольких задач, имеющих отношение не только к собственно философскому исследованию, но и к области нейронаук.

Во-первых, необходимо решить так называемую «проблему связывания» (binding problem), которая состоит в том, чтобы понять, как активация различных областей и подсистем головного мозга приводит к формированию мультимодального сенсорного опыта, т. е. в том, чтобы понять, как активация зон, отвечающих за переработку информации от зрительных, аудиальных, тактильных и иных рецепторов приводит к формированию единого перцептивного опыта, в котором цвета, звуки и формы правильно распределяются между предметами. Решение этого вопроса весьма непросто – судя по имеющимся данным, в мозге нет какого-то «центрального процессора», в котором перерабатывалась бы вся поступающая информация, как же как нет и так называемого «картезианского театра», находясь в котором субъект мог бы наблюдать развертывающуюся перед его мысленным взором (слухом, обонянием и т. д.) драму жизни [Bob, 2012; Dennett, 1991].

Во-вторых, необходимо обнаружить так называемый «нейронный коррелят сознания» – или объяснить, почему обнаружение такого коррелята не требуется. Нейронным коррелятом сознания принято именовать те процессы и события в головном мозге, которые субъективно ощущаются как сознательные процессы – или, используя часто цитируемое выражение Томаса Нагеля, – те процессы и события, относительно которых можно ощутить, каково это – быть субъектом, в мозге которого происходят эти события (what it is like).

В-третьих, необходимо показать, что процессы, обеспечивающие связывание, коррелируют с процессами, ответственными за появление субъективного опыта. Иными словами, необходимо показать, каким образом субъективные состояния сознания воспринимаются как единое феноменальное поле.

В-четвертых, необходимо выяснить, может ли синхроническое единство сознания быть нарушено, т. е. может ли некое сознание не быть синхронически единым – хотя бы временно. Возможность разделения сознания на синхронические параллельные потоки рассматривает, например, Дерек Парфит [Parfit, 1992].

Первые три вопроса таковы, что адекватность и уместность философской рефлексии над ними напрямую зависит от учета эмпирических данных. Их решение невозможно в отрыве от решения психофизической проблемы. Четвертый вопрос, хотя и требует привлечения данных когнитивной психологии и нейронауки, может быть рассмотрен с концептуальной точки зрения. В книге «Единство сознания» философ Тим Бейн делает именно это: обращаясь к философским и психологическим теориям и экспериментальным данным, Бейн пытается обосновать тезис о том, что феноменальное сознание обладает синхроническим и диахроническим единством [Wayne, 2010]. Бейн начинает свою аргументацию с наблюдения о том, что тезис о синхроническом единстве феноменального сознания является интуитивно правдоподобным. Существуют философские аргументы и научные данные, которые ставят этот тезис под вопрос. Бейн рассматривает эти аргументы, данные и теории, и критикует их.

В целом его критическая стратегия такова. Любой аргумент против единства сознания должен устанавливать позитивный и негативный момент. Позитивный момент состоит в демонстрации того, что некий процесс или набор процессов является сознательным (в смысле феноменального сознания – существует некое субъективно ощущаемое качество, которое испытывает тот, кто пребывает в этом состоянии). Негативный момент состоит в демонстрации того, что этот процесс или набор процессов не обладает внутренней связностью, которой должно обладать утверждаемое тезисом синхронического единства феноменальное поле сознания.

Рассматривая как концептуальные, так и эмпирические аргументы сторонников возможности расщепления сознания, Бейн показывает, что у нас есть причины сомневаться либо в том, что процессы, о которых в них говорится, сознательны, либо в том, что эти процессы составляют два параллельных и независимых потока сознания. Среди сложностей, которые Бейн анализирует, есть такие явления, как гипноз, во время которого личность, кажется, способна временно разделиться на две, расстройство идентичности (ранее называвшееся расщеплением личности), когда в одном теле обитают, по видимости, две или более личности, шизофрения и даже случаи пациентов с комиссуротомией (рассечением мозолистого тела, связывающего полушария головного мозга), которые психологи традиционно считали демонстрацией нарушения единства сознания. С точки зрения Бейна, во всех этих случаях единство сознания сохраняется, а проявляющиеся различия в поведении и реакциях субъекта вызваны тем, что задействуются разные когнитивные подсистемы.

Тем не менее Бейн полагает, что для того, чтобы вызвать связанное поведение, характерное для обычного здорового субъекта, работы одних только когнитивных подсистем недостаточно – требуется

вовлечение механизма, ответственного за создание феноменального единства сознания. И этот механизм не является одним из многих когнитивных механизмов, которые могут прийти в расстройство, затрудняя сознательную жизнь субъектов, но не делая ее невозможной – подобно тому, как в расстройство могут прийти системы обработки перцептивной информации при агнозии, или системы памяти при амнезии, или системы контроля движения при различных заболеваниях и травмах. Феноменальное поле сознания ни при каких условиях не может распасться на атомарные феноменальные фрагменты. Единство сознания, с точки зрения Бейна, необходимо сопровождает любые акты и состояния сознания: «...структура сознания фундаментальным образом холистична: нет механизмов, ответственных за феноменальное связывание, поскольку единство сознания обеспечивается теми же механизмами, которые генерируют это сознание» [Wayne, 2010, p. 248].

Может показаться, что решение, предлагаемое Бейном, представляет собой вариацию физического критерия единства сознания. Синхроническое и диахроническое единство сознания обеспечиваются исправным функционированием определенных структур в головном мозге: «Исходя из сформулированной Тонони модели сознания как “динамического ядра” (dynamic core), я предложил понимать механизмы сознания как то, что производит лоскутное одеяло сознания. Это одеяло генерируется подкорковыми системами, которые достигают различных кортикальных центров и связывают распределенные фрагменты содержания в единое, многогранное феноменальное состояние. Несмотря на то, что различные феноменальные состояния, которые могут быть выделены внутри этого одеяла, не следует рассматривать как феноменальные атомы, их можно назвать ощущениями в собственном смысле слова, поскольку они могут иметь определенную степень каузальной и функциональной автономии» [Wayne, 2010, p. 248].

Сам Бейн, однако, не считает свой критерий единства сознания физическим. В последней главе книги «Единство сознания», посвященной вопросу о личности (Глава называется «The Self»), Бейн отмечает, что единство сознания тесно связано с тождеством личности (в соответствии с проведенным в данной статье разделением: синхронический аспект единства сознания тесно связан с диахроническим аспектом), при этом физический критерий не подходит ни для обоснования синхронического, ни для обоснования диахронического аспектов единства сознания. Физический критерий не является достаточным для обоснования феноменального единства сознания, с точки зрения Бейна, потому что мы можем представить себе, что тот физический механизм, который генерирует поток сознания, феноменологически данный в самоощущении как единый, способен генерировать более одного по-

тока одновременно [Baune, 2010, p. 288]³. Одна лишь метафизическая возможность этого показывает, что никакой физический критерий не способен дать нам концептуально необходимую связь между феноменально объединенным в самоощущении потоком сознания и диахроническим тождеством личности [Baune, 2010, p. 288].

Свою теорию единства сознания Бейн называет «виртуальным феноменализмом». Основная идея этой теории состоит в том, что личность представляет собой центральный персонаж некоторого «феноменологического вымысла», или «феноменальный центр тяжести», по аналогии с «нарративным центром тяжести» Д. Деннета [Baune, 2010, p. 289]. Личность не может утратить феноменальное единство сознания, поскольку приписывание всех состояний сознания некой синхронически и диахронически самотождественной личности с необходимостью происходит, когда мозг здорового взрослого человека функционирует в бодрствующем режиме. Бейн приводит аналогию с литературным персонажем: так же, как мы знаем, что Эркюль Пуаро тождественен себе на протяжении нескольких романов – потому что так говорит нам Агата Кристи, автор этих романов, – мы знаем, что мы сами тождественны себе на протяжении жизни [Baune, 2010, p. 291].

Таким образом, в том разрезе, в котором вопрос поставлен в данной статье, ответ Бейна, как мне кажется, сводится к следующему: синхроническое единство сознания возникает необходимо, как естественное следствие нормальной работы нашего мозга, а диахроническое единство сознания есть тот нарратив, который наш мозг рассказывает самому себе относительно того, кто он и как ему быть дальше. Безусловно, можно возразить, что этот подход, по большому счету, показывает, что личности – это выдумки, что их на самом деле не существует, но у Бейна есть ответ: «Объясняет ли эта теория, чем являются личности, или она объясняет, что личностей на самом деле не существует, зависит от того, какого рода объяснение нам нужно. Несмотря на то, что личности являются всего лишь интенциональными объектами, в определенном смысле разговор о личностях совершенно легитимен. От него не следует отказываться (в самом деле, я сомне-

³ Эта критика применима к той версии физического критерия, которую Бейн называет «субстратным феноменализмом». Основные черты этой версии заключаются в том, что она учитывает как важность феноменального единства сознания для диахронического единства сознания, так и важность физического субстрата для фактического генерирования сознания как такового. Субстратный феноменализм, в отличие от наивного феноменализма, способен объяснить, почему периоды сна без сновидений или потери сознания не приводят к смерти одной личности и появлению другой. Анималистическую версию физического критерия Бейн отвергает, пользуясь аргументацией С. Шумейкера, показавшего концептуальную возможность существования животного по имени Цербер, имеющего одну тело, одну систему регуляции жизнедеятельности, но два потока сознания, и, соответственно, две различные личности.

ваюсь, что от него возможно отказаться), и он не нуждается в легитимации посредством обнаружения в сознании или в субстрате, лежащем в основе сознания, того, что могло бы считаться его референтом. Разговор о личности не требует референта. Не следует думать, что личность является вымыслом в том же смысле, в котором вымышлены Эркюль Пуаро и другие литературные персонажи. Хотя Эркюль Пуаро – бельгийский детектив, мы не встретим его имени в списке всех бельгийских детективов. (И если, по чистой случайности, имя “Эркюль Пуаро” обнаружится в этом списке, оно не будет указывать на того персонажа, о котором идет речь в произведениях Агаты Кристи.) Эркюль Пуаро – вымышленный бельгийский детектив, и способ его существования совсем иной, чем способ существования реальных (невывымышленных, актуальных) бельгийских детективов. Но не существует такой разновидности реальных личностей, с которыми можно было бы сравнить описанный нами тип личностей, потому что личности виртуальны по природе. Те личности, которые у нас есть, реальны настолько, насколько это возможно» [Waune, 2010, p. 293].

Ответ Бейна на возражение о нереальности кажется убедительным. Тем не менее предложенная им теория виртуального феноменализма вызывает как минимум два других вопроса.

Два вопроса к теории «виртуального феноменализма»

Во-первых, если диахроническое единство личности возникает в результате работы определенных когнитивных механизмов, непонятно, почему эти механизмы не могут прийти в негодность, в отличие от всех остальных когнитивных механизмов, как о том пишет Бейн [Waune, 2010, p. 248]. Приводимые им в первой и второй частях книги примеры и соображения призваны показать, что, если сознание существует, оно необходимо объединено в единый феноменальный поток. Однако это касается лишь того среза этого потока, который существует сейчас, т. е. синхронического единства сознания. Даже если согласиться с тем, что в случаях гипноза, диссоциативного расстройства идентичности или комиссуротомии синхроническое единство сознания сохраняется, на первый взгляд несомненно, что в случае серьезной амнезии диахроническое единство личности нарушается (так же, как оно, вероятно, нарушается в случаях диссоциативного расстройства идентичности). Это означает, что нейрокогнитивные механизмы, лежащие в основе синхронического и диахронического единства личности, обладают разной степенью фундаментальности: без диахронического единства сознание возможно, а без синхронического – нет.

Бейн не объясняет, почему между этими механизмами имеет место такая разница – за исключением того, что «диахронические» механизмы порождают «феноменальную фикцию», а «синхронические» механизмы порождают реально существующее феноменальное поле сознания. Может возникнуть подозрение, что если и те, и другие механизмы суть структуры и процессы в головном мозге, то и результаты их проявления должны иметь одинаковый онтологический статус. Этот вопрос не является в строгом смысле возражением, но показывает, что здесь необходимо существенное прояснение.

Во-вторых, к теории Бейна, как мне кажется, применимо то же возражение, которое Бернард Уильямс высказал по отношению к психологическому критерию тождества личности и которое Бейн с одобрением цитирует [Wayne, 2010, p. 287]. В статье «Личность и будущее» Уильямс описывает сценарий, по прочтении которого у читателя возникает интуиция о том, что психологический критерий куда менее важен, чем физический. Сценарий Уильямса изложен от первого лица, для нагнетания напряжения в соответствии с канонами триллера, поэтому для создания должного впечатления необходимо и пересказать его от первого лица. Ситуация такова (с моими собственными вариациями и дополнениями в сюжете, не меняющими основного смысла): я засыпаю у себя дома, а просыпаюсь в запертой камере, находящейся в какой-то высокотехнологичной лаборатории. Через некоторое время приходит человек в белом халате, который сообщает, что я была случайным образом выбрана в качестве участника секретной военной программы по изучению психики в экстремальных условиях. В связи с этим, говорит мне человек в белом халате, завтра меня будут пытаться и фиксировать происходящее для пользы науки. Сообщив это, человек уходит, никак не реагируя на мои протесты и мольбы.

Я ожидаю завтрашнего дня в ужасе. Через некоторое время приходит другой человек в белом халате, и сообщает, что перед тем, как меня начнут пытаться, у меня сотрут всякую память о прошлом. Я ничего не буду помнить, в том числе и того, что мне сообщили все вышесказанное. С точки зрения психологического критерия тождества личности как тождества воспоминаний, это должно повлиять на мое отношение к ситуации – возможно, я все равно не слишком обрадуюсь, потому что меня ждет смерть, т. к. моя личность будет уничтожена при стирании воспоминаний, тем не менее собственно страданий мне бояться уже незачем. Однако интуитивно кажется, что теперь, вместо того, чтобы перестать бояться завтрашних страданий, я буду бояться еще больше – ведь после этого нового сообщения оказывается, что меня ждут два бедствия вместо одного – сначала утрата всех воспоминаний, а потом пытка. И даже когда приходит третий человек в белом халате, и сообщает, что после стирания моих воспоминаний

и перед пыткой в мой мозг будут искусственным путем записаны воспоминания Георга IV и что мой характер изменится, став в точности подобным характеру Георга IV, я совсем не прихожу к выводу, что вместо меня будет страдать король Великобритании, вернувшийся к жизни благодаря чудесам современной науки (а именно такой вывод следует из психологического критерия тождества личности как преемственности характера и воспоминаний). Скорее, я приду к выводу, что теперь меня ждут целых три бедствия – утрата воспоминаний и характера, возникновение новых, совершенно чуждых мне воспоминаний и характера, и пытка.

Пример Уильямса интуитивно представляется мне решающим возражением против психологического критерия тождества личности. Может ли теория виртуального феноменализма дать приемлемый анализ описанной ситуации? Не уверена. Предположим, моя личность – это виртуальный персонаж, сопровождающий все мои сознательные состояния. Этот персонаж неотделим от моих сознательных состояний. Он – это я, и притом совсем не в том смысле, в котором Мадам Бовари – это Гюстав Флобер. Интуитивно представляется, что в описанной ситуации я боюсь за себя совсем не так, как я боялась бы за какого-нибудь вымышленного персонажа. Я полагаю, что то, что будет происходить, будет происходить со мной, потому что это будет происходить с моим телом – и ужас не просто в том, что я приписываю себе это будущее, как я приписываю Пуаро его будущее и прошлое, а в том, что это будущее ждет мое тело вне зависимости от особенностей работы всех его когнитивных механизмов. Иными словами, будущее страдание так сильно пугает меня не потому, что Мария Секацкая, имеющая определенную жизненную историю, свойства характера, социальные связи и моральные обязательства, будет подвергнута несправедливому жестокому обращению, а в том, что такому обращению будет подвергнуто мое тело.

Вывод, который напрашивается из такого противопоставления личности как тела и личности как персонажа, состоит в том, что связь между работой моего мозга и моей личностью куда теснее, чем связь между работой писателя и созданными им виртуальными личностями. Мозг не может перестать создавать ту личность, которую он создает, даже если существование этой личности становится ужасным.

Но раз личность неотделима от мозга в этом смысле, не следует ли все же предпочесть какую-нибудь из версий физического критерия диахронического тождества личности? Быть может, эта история – всего лишь особо удачная «помпа для интуиции», эффективность которой основана на том, что страх мешает нам мыслить рационально. Но, в таком случае, как мне кажется, Тиму Бейну следовало бы разъяснить, почему из примера Бернарда Уильямса не следует делать заключений в пользу физического критерия.

Список литературы

Секацкая, 2013 – *Секацкая М.А.* Тождество личности как онтологический факт: возражение Дереку Парфиту // *Epistemology & philosophy of science / Эпистемология и философия науки.* 2013. Т. 37. № 3. С. 76–84.

Секацкая, 2014 – *Секацкая М.А.* Пересадка мозга и тождество личности: альтернативная интерпретация одного мысленного эксперимента // *Epistemology & philosophy of science / Эпистемология и философия науки.* 2014. Т. 42. № 4. С. 67–76.

Чирва, 2012 – *Чирва Д.В.* Одинокое животное. Биологический подход к тождеству личности // *Вестн. Санкт-петербург. ун-та. Сер. 6. Политология. Международные отношения.* 2012. № 4. С. 60–64.

Чирва, 2015 – *Чирва Д.В.* Метафизика имеет значение. анималистическая и конституционалистская концепции личности // *Мысль: журн. петербург. филос. о-ва.* 2015. № 18. С. 84–93.

Bob, 2012 – *Bob P.* Brain, Mind and Consciousness: Advances in Neuroscience Research // *Binding Problem of Consciousness.* N. Y: Springer, 2012. pp. 17–25.

Dennett, 1991 – *Dennett D.* Consciousness explained. Boston: Back Bay Books, 1991. 528 p.

McCann, 1986 – *McCann E.* Cartesian selves and Lockean substances // *The Monist.* 1986. Vol. 3. № 69. P. 458–482.

Parfit, 1971 – *Parfit D.* Personal Identity // *The Philosophical Review.* 1971. Vol. 1. № 80. P. 3–27.

Parfit, 1992 – *Parfit D.* Reasons and persons. Oxford: Clarendon, 1992. 543 p.

Wiggins, 1967 – *Wiggins D.* Identity and Spatio-Temporal Continuity. Blackwell, 1967. 83 p.

Williams, 1970 – *Williams B.* The Self and the Future // *The Philosophical Review.* 1970. Vol. 2. № 9. P. 161–180.

Bayne, 2010 – *Bayne T.* The unity of consciousness. Oxford; N. Y. : Oxford University Press, 2010. 341 p.

References

Bayne, T. *The unity of consciousness.* Oxford; New York : Oxford University Press, 2010. 341 pp.

Bob, P. Brain, Mind and Consciousness: Advances in Neuroscience Research, in: *Binding Problem of Consciousness.* New York, NY: Springer, 2012. pp. 17–25.

Chirva, D. Metafizika imeet znachenie. Animalisticheskaja i konstitucionalistskaja koncepcii lichnosti [Metaphysics matters. Animalist and constitution views of a person], *Mysl'*, 2015, vol. 18, pp. 84–93. (In Russian)

Chirva, D. Odiнокое zhivotnoe. Biologicheskij podhod k tozhdestvu lichnosti [Lonely animal. Biological approach to personal identity], *Bulletin of Saint-Petersburg State University.* Series 6: Political Science. International Relations, 2012, vol. 4, pp. 60–64. (In Russian)

Dennett, D. *Consciousness explained.* Boston: Back Bay Books, 1991. 528 pp.

McCann, E. Cartesian selves and Lockean substances, *The Monist.* 1986, vol. 3, no. 69, pp. 458–482.

Parfit, D. Personal Identity, *The Philosophical Review*. 1971, vol. 1, no. 80, pp. 3–27.

Parfit, D. *Reasons and persons*. Oxford: Clarendon, 1992. 543 pp.

Sekatskaya, M. Peresadka mozga i tozhdestvo lichnosti: al'ternativnaja interpretaciya odnogo myslennogo eksperimenta [Brain Transplantation and Personal Identity. An Alternative Interpretation of one Thought Experiment], *Epistemology & Philosophy of Science*, 2014, vol. 4, no. 42, pp. 67–76. (In Russian)

Sekatskaya, M. Tozhdestvo lichnosti kak ontologicheskij fakt: vozrazhenie Dereku Parfitu [Personal Identity as a Matter of Ontology. An Objection to Derek Parfit], *Epistemology & Philosophy of Science*, 2013, vol. 3, no. 37, pp. 76–84. (In Russian)

Wiggins, D. *Identity and Spatio-Temporal Continuity*. Blackwell, 1967. 83 pp.

Williams, B. The Self and the Future, *The Philosophical Review*, 1970, vol. 2, no. 79, pp. 161–180.